

Дело номер тринадцать

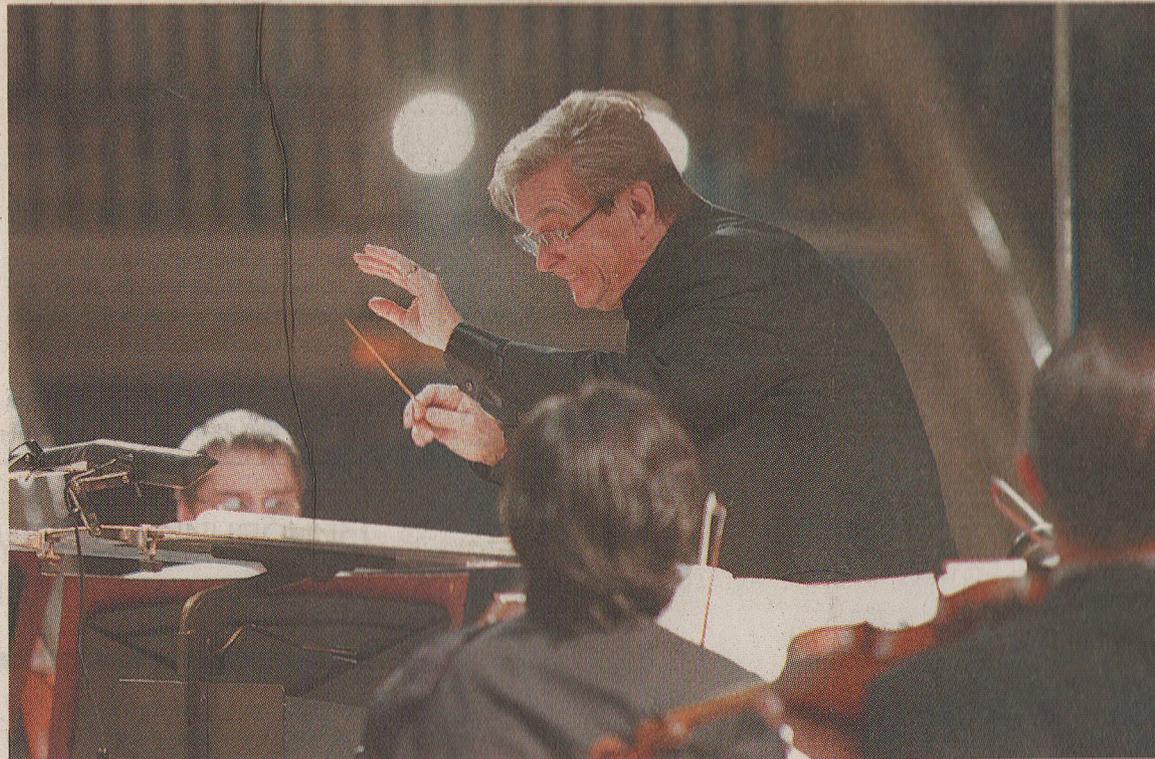
В Концертном зале им. Чайковского сыграли одно из самых «несчастливых» сочинений Шостаковича

Елена Ложкина

Сорок с лишним лет назад на премьеру этой симфонии, о которой гудела вся Москва, билеты спрашивали за три квартала до Большого зала. Нескончаемые овации публики, гробовое молчание прессы, замена стихотворных строк по указке сверху – вот что в итоге получил автор за свое величайшее творение.

Итогом минувшего концерта также стала отзывчивая благодарность публики исполнителям – Большому симфоническому оркестру им. Чайковского, дирижеру Владимиру Федосееву, Камерному хору Владимира Минина и солисту Сергею Алексакину. Симфония-притча захватила с первой и до последней ноты своей горечью, авторским монологом, гримасами иронии, литургическими откровениями. БСО, в активе которого все симфонии Шостаковича, и Сергей Алексакин, получивший в этом году Грэмми в составе исполнителей Тринадцатой симфонии – оркестра Баварского радио под управлением Мариса Янсонса, удивили слушателей необычайной человечностью исполнения.

Тринадцатая симфония, озаглавленная Шостаковичем «Бабий Яр», и сегодня впечатляет реквиемностью музыкальной поступи. Посмотреть трагедии в лицо у Шостаковича получилось очень явно, и именно поэтому один за другим от исполнения симфонии в свое время отказывались солисты и дирижеры (включая Евгения Мравинского). Никита Хрущев, недовольный тем, что в симфонии поднимается «еврейский вопрос», заставил поменять стихотворный текст Евгения Евтушенко, чьи стихи положены в основу симфонии. Кричащие своей совестью строчки были немедленно заменены на пафосный текст, и только музыка осталась прежней. Сейчас симфония исполняется с

Владимир Федосеев и его оркестр исполнили 13-ю симфонию Шостаковича необычайно человечно.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

первоначальным текстом, и к слову скажем, что несколько недель назад Евтушенко был награжден медалью

строчки в своем любимом сочинении. Но Тринадцатая симфония – это не только траурный монолог

но прежде всего Тринадцатая симфония – это человеческое размышление о терзании, страдании и терпении. Будь то гротескное Скерцо второй части с резкими сопоставлениями или возвышенная в своем страдании и преклонении перед женщиной музыкальная колыбельная третьей части. Надрывный авторский голос Шостаковича был слышен сквозь угрюмый хоровой бубнеж четвертой части с ее строчками «умирают в России страхи», музыка, словно уползающая во мрак, стремилась слиться с тишиной, вслушаться в нее и в откровенно резюмирующих строчках пятой: «Я делаю карьеру тем, что не делаю ее».

Шостакович не поменял ни строчки в своем любимом произведении

Рауля Валленберга (награду вручают тем, кто проявил высокую человечность и гуманность по отношению к евреям) именно за поэму «Бабий Яр», увековеченную все-таки Шостаковичем. В свою очередь, издательство DSCH выпустило в этом году подлинный текст – партитуру симфонии, подчеркнув тем самым, что Шостакович не поменял ни

первой части. К обозначенному выше «Бабьему Яру» композитор добавил еще четыре стихотворения-части – «Юмор», «В магазине», «Страхи» и «Карьера». «В Тринадцатой симфонии я поставил проблему гражданской, именно гражданской нравственности», – писал Шостакович. И как бы пафосно и непонятно ни звучали сейчас эти слова автора,

Елена Ложкина – музыкальный критик.

Шостаковичи Дмитрий 16.10.06.

5